

ОБ ОКТЯБРЬСКИХ ДНЯХ В ПИТЕРЕ

Месяца за два до октября, в «корниловские дни», я из Петроградского совета профсоюзов перешел на работу в ЦК партии. В качестве члена секретариата ЦК я получил в заведование отделение ЦК в Смольном.

Отделение ЦК помещалось в комнате большевистской фракции ВЦИК, а так как последняя своего постоянного дежурного секретаря не имела, то одновременно мне пришлось нести и обязанности секретаря обеих фракций, то есть Всероссийского и Питерского Совета. Так как работы было подчас очень много, мне помогали ныне покойный Бронислав Веселовский или тов. Драбкина.

В занимаемой фракцией громадной комнате с утра до вечера царило необычайное оживление. С утра являлись представители военных частей питерского гарнизона за литературой, с приглашениями на лекции и митинги. Кроме того, весь день толкались делегации, по большей части с фронта, иногда из деревни. Эти делегации надо было «обрабатывать».

В «обработке» делегаций иногда принимали участие товарищи Дзержинский и Свердлов, но так как они были люди очень занятые, то большей частью приходилось беседовать с делегатами мне, а затем направлять в нашу Военную организацию, на Литейный, для окончательной «обработки», для закрепления связей.

Работа была весьма живая. Кроме того, постоянная связь с массой давала возможность ориентироваться в настроениях.

Таким образом, ясно дало себя чувствовать приближение выступления.

Наступило время II съезда Советов. Напряжение масс возросло до высшей точки.

С прибытием делегатов оживление в нашей комнате дошло до максимума. С утра до вечера дым стоял коромыслом.

До первого организационного собрания обязанности секретаря фракции пришлось исполнять мне.

Для меня ясной становилась картина предстоящего съезда: «Будем иметь большинство».

22 октября был День Петроградского Совета. Часть приезжих делегатов была использована на митингах по заводам. Этот день был предвестником нашего выступления.

Я был на двух заводах на Васильевском острове (у Посселя и на Трубочном), где главными ораторами с нашей стороны выступали товарищи Коллонтай и Лашевич. Мы ясно говорили массе о предстоящем захвате власти нами и, кроме одобрения, ничего не слышали.

Таким образом, правительство Керенского уже 22 октября получило предостережение.

Ночью с 23 на 24-е число Временное правительство распорядилось закрыть «Путь правды»¹. Мы решили не подчиниться, и нашей Военной организацией в шесть часов утра 24-го был послан караул Волынского полка охранять редакцию от всяких посягательств.

В 2 часа пополудни того же дня, в самый разгар записи во фракцию новоприбывших делегатов на съезд, ко мне подбежал тов. Дзержинский с бумажкой в руках:

— Вам вместе с товарищем Лещинским предписывается занять главный телеграф. Вот мандат Военно-революционного комитета, которым вы назначаетесь комиссаром телеграфа. Отправляйтесь сейчас.

— Каким образом занять телеграф? — спросил я.

— Там караул занимает Кексгольмский полк, который на нашей стороне, — ответил Дзержинский.

Больше я не спрашивал. Задача казалась мне сначала не весьма трудной, так как я являлся руководителем нашей питерской почтово-телеграфной ячейки и знал почти всех наших большевиков. Я отыскал тов. Лещинского, и мы отправились вдвоем. Ни у кого из нас не было револьвера. Когда мы садились в автомобиль, у нас возникло в душе странное, мучительное напряжение: вот оно, жданное десятилетиями решительное выступление пролетариата. Чем-то оно окончится?

Неужели еще поражением?

Горький опыт июльских дней не давал нам полной уверенности в победе.

Действовать мы решили таким образом. Комендантом телеграфа (от Временного правительства) являлся личный знакомый Лещинского штабс-капитан Лонгва. Мы должны были переговорить с ним и заручиться его содействием. Затем надо было сговориться с нашей ячейкой и сразу приступить «к захвату».

Вышло немного иначе. Лонгва, «не имея директив от своей организации», отказал нам в содействии, обещав только «не мешать». А на совещании с ячейкой мы выяснили, что на всем телеграфе, среди трех тысяч служащих, нет ни одного большевика, а только один левый эсер Хауров. Все наши товарищи были служащими не телеграфа, а почтамта. Вызвали левого эсера Хаурова; он нам сообщил, что вся масса служащих весьма враждебно настроена против большевиков.

---

¹ Очевидно, имеется в виду ЦО партии — газета «Рабочий путь». Ред.

Положение было весьма трудное. Но здесь из Смольного прибыл к нам на подмогу тов. Любович. Он был сам по профессии телеграфистом и знал порядки на телеграфе. Втроем мы почувствовали себя сильнее и пошли переговорить с караулом.

Караул, во главе которого стоял какой-то прaporщик, увидев мандат Военно-революционного комитета, обещал оказать нам содействие. Тогда, 24 октября, около 5 часов, мы втроем, в сопровождении начальника караула, вошли в главный зал телеграфа, подошли к находящемуся там председателю союза почтово-телефрафных служащих г-ну Кингу (правый эсер) и объявили ему, что занимаем телеграф. Кинг заявил нам, что выставит нас за дверь. Тогда тов. Любович вызвал двух кексгольмцев и поставил их около коммутатора.

Среди женщин, служащих телеграфа, начался визг и переполох. Представители союза, посовещавшись между собой, пошли на компромисс: они согласились на то, чтобы «в зале сидел комиссар» при условии, если мы выведем солдат из зала.

Мы согласились. Я засел на телеграфе, Любович ушел укрепить караул, а Лещинский удалился в комнатку фракции в соседнем доме, в резерв.

В 8 часов вечера того же дня прибыл на смену кексгольмцам присланный командующим Петроградским округом специальный караул из юнкеров. Кексгольмский караул, обработанный Любовичем, заявил, что желает по-прежнему занимать телеграф.

Юнкера ушли...

Ночью соседнее с нами здание Петербургского Телеграфного Агентства было занято тов. Старком с двенадцатью матросами под начальством моего старого приятеля по лондонской эмиграции — матроса Ивана Савина.

Иметь в соседстве матросов было очень приятно, так как кексгольмцы внушали мало доверия. Ночью юнкера явились еще раз. Матrosы скомандовали им: «Левое плечо вперед, марш!» И они опять ушли.

На другой день до вечера не случилось ничего особенного. Я не покидал телеграфа. Даже спать не очень хотелось. Любович, державший связь со Смольным, сообщил мне о занятии нами в течение этого дня главных правительенных учреждений и об осаде Зимнего дворца.

Ночью ко мне явился из Смольного тов. Зоф со знаменитым манифестом Совета Народных Комиссаров за подписью тов. Ленина, где сообщалось о низвержении правительства Керенского и образования Совнаркома¹. Манифест приказано было передать по телеграфу на места. Задача была весьма трудная. Манифест

¹ Очевидно, имеется в виду обращение Петроградского ВРК «К гражданам России», написанное В. И. Лениным в 10 часов утра 25 октября 1917 г. Ред.

надо было напечатать в количестве не менее ста экземпляров, а телеграфные служащие отказывались исполнять мои распоряжения.

С помощью подоспел товарищ министра почт и телеграфов Соловьев. Он указал мне, где находится ротатор, и я заставил какого-то мальчишку отпечатать воззвание. Затем мне пришлось собственноручно на каждом листе написать название города, куда следовало передать манифест. Соловьев сдавал листы на аппарат.

К утру манифест был передан во все губернские города и промышленные центры, а также в местопребывания штабов армий.

*Октябрьское вооруженное восстание в Петрограде. Воспоминания активных участников революции. Л., 1956,
с. 290—293*